

лечённых так или иначе в осуществление контактов с Бахчисараем. Подробное исследование этой проблемы выходит за рамки задач, поставленных Павловым. Необходимо также учитывать, что на взаимоотношения внутри политической элиты времени Михаила Фёдоровича во внешнеполитическом аспекте прежде всего влияли проблемы противостояния с Речью Посполитой, что достаточно подробно отражено в обсуждаемом исследовании.

Михаил Акишин: *Фундаментальное исследование, открывающее новые аспекты познания взаимоотношений самодержца с думными и комнатными людьми*

Michael Akishin (Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia): A fundamental research revealing new aspects of understanding relationship of the tsar with Boyar Duma and Royal courtiers

DOI: 10.31857/S086956870010783-2

Обсуждаемый труд А.П. Павлова, видимо, войдёт в золотой фонд российской исторической науки. Он посвящён просопографическому исследованию думных и комнатных людей царя Михаила Романова; критерии для выделения этой социальной группы определены историком как «сочетание происхождения... с реально высоким служебно-местническим положением» (Т. 1. С. 36—37). Для реализации темы исследования автор использовал обширный массив уже введённых и впервые вводимых им в научный оборот исторических источников, на основе которых составлена база данных для динамической просопографии думных и комнатных людей 1613—1645 гг., нашедшая отражение в монографии. При этом он существенно дополнил генеалогические и биографические исследования своих предшественников данными о службах и землевладении представителей княжеско-боярской аристократии.

Как и всякое фундаментальное исследование, труд Павлова открывает новые аспекты познания изучаемой проблемы, в частности взаимоотношений российского самодержца с думными и комнатными людьми. При анализе изменений в составе думных и комнатных людей в 1613—1645 гг. автор исходит из положения о том, что в годы опричнины и Смуты происходило «падение значения родовой княжеско-боярской аристократии» (Т. 1. С. 443). На избирательном соборе 1613 г. проявились противоречия между земскими воеводами и Боярской думой, взаимно ослабившие их позиции, что позволило юному царю и его матери сформировать в Думе ядро из своих родственников и свойственников. Павлов доказывает: «Придворный клан во главе с матерью царя после 1613 г. оказался, по существу, единственной сплочённой политической силой, способной взять реальные бразды управления в стране» (Т. 1. С. 777).

После возвращения в 1619 г. из польского плена Филарета и принятия им патриаршества наступил уникальный в истории высшей власти период соправления двух «великих государей» — царя и его отца. В трудах В.О. Ключевского и Б.Ф. Поршнева была сформулирована концепция «двоевластия», подавления воли молодого царя его отцом, «временщиком» Филаретом⁴³. С корректировкой этой концепции выступил Е.Д. Сташевский, указавший на то, что патриарх уважал prerogatives самодержавной власти своего сына, и «программа» Филарета, усилив абсолютистские тенденции в развитии Русского государства,

⁴³ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. М., 1998. С. 124; Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 413 и др.

шла в русле государственной политики, осуществлявшейся в 1613—1619 гг.⁴⁴ Павлов, не присоединившись явным образом ни к одной из этих концепций, указывает, что Филарет способствовал укреплению самодержавной власти (Т. 1. С. 256). Автор доказывает, что приезд Филарета в Россию привёл к принципиальным изменениям в иерархии думного боярства — утрате Гедиминовичами первенствующего положения в Думе. С конца 1626 г. старшинство в Думе перешло к Ивану Никитичу Романову, а после его смерти в 1640 г. — к кн. И.Б. Черкасскому, родственнику Романовых. В 1619—1633 гг. происходило ослабление позиции влиятельных «княжат» при одновременной интеграции младших представителей княжеских родов в новую систему придворных отношений. Результатом стало стирание понятий «великие» и «ближние» бояре, «окончательное преобладание в составе Думы получила знать романовского круга», и Боярская дума «из собрания родовой аристократии» превратилась в «совет придворных при новой династии» (Т. 1. С. 443—453, 778).

В 1619—1633 гг. изменилась система управления приказами. Как установил Павлов, в это время фиксировалось «возрастание роли Думы в административном управлении страной. Всего... в деятельности всех приказов за годы правления Филарета приняло участие подавляющее большинство бояр и окольничих (35 человек из 45, или около 78%)». При этом многие думные дяки попали в опалу. По мнению Павлова, «эти отставки не носили характера целенаправленных гонений против определённого социального слоя или политической группировки». Причины опал он объясняет «известной самостоятельностью старых приказных “бюрократов”» (Т. 1. С. 390). Это объяснение не представляется убедительным. В самостоятельности думных дяков нет ничего необычного: иначе они не могли бы выполнять своих должностных обязанностей. Считаю, что опалы и отставки думных дяков объясняются желанием высшей власти повысить исполнительскую дисциплину, а также усилением роли бояр и окольничих в приказном управлении⁴⁵. Установлено, что после Смуты происходило усиление роли боярства в руководстве приказами, но для этого требовалось восстановление приказного управления. Как доказала Н.Ф. Демидова, оно происходило с первых лет царствования Михаила Фёдоровича, но завершилось только в 1630—1640-х гг., когда «решался вопрос — пойдёт ли Россия по пути развития и совершенствования сословно-представительной или перерастания в абсолютную монархию»⁴⁶.

Одной из главных задач, стоявших перед правительством царя Михаила, было освобождение Смоленска. Однако русско-польская война 1632—1634 гг. закончилась поражением, и расплата легла на командование войска. Проанализировав материалы следственного дела, Павлов подверг критике концепцию о боярских интригах против М.Б. Шеина и пришёл к выводу о законности и обоснованности приговора: «Сдача “града” неприятелю традиционно считалась на Руси тягчайшим государственным преступлением, подлежащим наказанию смертной казнью» (Т. 1. С. 476). Смерть патриарха Филарета и поражение в Смоленской войне обусловили новый поворот во внутренней политике.

⁴⁴ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 191, 194, 201—204.

⁴⁵ Сходную концепцию Павлов сформулировал в одной из своих работ (Павлов А.П. Дяки в структуре Государева двора в конце XVI — первой половине XVII в. // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. Т. 1. СПб., 2006. С. 576—587).

⁴⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 25.

Однако, «несмотря на политические перемены, происходившие после смерти патриарха Филарета», во главе правительства продолжали оставаться «старые бояре романовского круга во главе с кн. И.Б. Черкасским, а после смерти последнего в 1642 г. главой правительства становится боярин Ф.И. Шереметев» (Т. 1. С. 479). Павлов доказывает: «Формирование лояльной придворной романовской Думы явилось одним из важных политических итогов периода царствования Михаила Фёдоровича. На протяжении изучаемого времени происходит процесс постепенной трансформации Думы из органа старой родовой знати в совет придворных при новой царствующей династии» (Т. 1. С. 780).

В последние годы жизни царя Михаила происходило «замечное обострение придворной борьбы за власть и влияние при дворе» (Т. 1. С. 616). Борьба обострилась во время сватовства датского принца Вальдемара к царевне Ирине Михайловне. Е.И. Филина приписала этой придворной борьбе значение политического противостояния сторонников наследственной и выборной монархии⁴⁷. Павлов подверг данную гипотезу аргументированной критике, отметив, что к концу царствования Михаила Фёдоровича в Думе не осталось «ни мощных княжеских группировок, ни каких-либо иных чуждых, оппозиционных боярских “партий”» (Т. 1. С. 776).

Исследование о составе думных и комнатных людей в 1613—1645 гг. Павлов дополнил фундаментальным анализом земельной политики и эволюции землевладения знати. Это исследование является научным прорывом в дискуссии о характере княжеско-боярского землевладения в XVII в. Автор исходит из положения о том, что уже в конце XVI в. «отчётливо проявилась тесная зависимость крупного земельного владения от положения человека при дворе». После Смуты «владение родовой вотчиной» стало «фактом царского пожалования». При этом «рост материального благосостояния и земельных богатств знати затрагивал... далеко не всех представителей княжеско-боярских родов. Сохраняли и наращивали крупные земельные владения преимущественно лишь наиболее видные бояре и придворные» (Т. 1. С. 684—684, 724, 769). Возникла «прямая зависимость состояния землевладения знати от службы, положения при дворе и придворной конъюнктуры». По мнению Павлова, это «наглядно свидетельствует о служилом характере российской аристократии, о вызревании внутри правящей элиты нового типа придворных отношений, при которых уже не столько происхождение само по себе, сколько родство с царской семьёй и близость к влиятельным придворным группировкам определяли служебное продвижение и рост материального благополучия» (Т. 1. С. 773, 775).

Результаты своего исследования Павлов экстраполирует на характеристику формы правления Русского государства и утверждает: «Зависимость землевладения от службы и придворной конъюнктуры, отсутствие гарантий неприкосновенности земельной собственности перед лицом верховной власти способствовали тому, что... русская боярская знать не представляла собой достаточно устойчивого слоя крупных земельных магнатов, способных ограничить власть монарха, подобно земельной аристократии Речи Посполитой и других европейских стран» (Т. 1. С. 775). Думается, это утверждение содержит ряд логических ошибок. Непонятно, почему именно Речь Посполитая избрана в качестве эталона сословно-представительной монархии. Отмечу также, что просопографическое исследование не исключает возможности историко-юридического

⁴⁷ Филина Е.И. «В поисках альтернативы...»: «придворные партии» в политической борьбе в России 30—50-х гг. XVII в. М., 2011. С. 177—181.

изучения формы правления Русского государства XVII в. Факт формирования «лояльной придворной романовской Думы» не означает, что Дума не сохранила значения высшего органа сословного представительства. Наконец, сословное представительство в Русском государстве не ограничивалось Боярской думой. Важное место в нём занимали Земские соборы и патриарх, значительную роль сословное представительство играло на уровне местного управления⁴⁸. Остановлюсь на значении соборов в осуществлении верховной власти.

Исследование А.П. Павлова открывается анализом истории избрания Михаила Фёдоровича на царство собором 1613 г. Источники по этой теме условно делятся на официальные (грамоты собора) и неофициальные, сообщавшие о слухах, вызванных избранием нового царя. Противоречия между ними породили долгую дискуссию в историографии. Историки первой половины XIX в. относились к официальным источникам с доверием и доказывали, что Михаил Фёдорович был всенародно избран на престол, являясь ближайшим родственником царя Фёдора, не будучи притом замешан в расприх Смутного времени⁴⁹. Историки второй половины XIX — начала XX в. основное внимание уделяли анализу социальных сил, обеспечивших избрание Михаила Фёдоровича. Господствующую в науке этого времени концепцию сформулировал С.Ф. Платонов, доказав, что избрание Михаила Фёдоровича стало результатом победы в Смуте «средних классов» — дворянства и посадских людей⁵⁰. Советские и современные историки на основе неофициальных источников писали, что избрание Михаила Фёдоровича произошло под давлением казаков⁵¹. Особняком стоит мнение Л.Е. Морозовой, полагающей, что «избрание нового царя было делом рук высшей знати, а не ополченцев и тем более казаков»⁵².

Павлов отмечает, что избрание Михаила Фёдоровича «состоялось... не без давления со стороны казаков» и «вопреки воле большинства членов тогдашней Боярской думы» (Т. 1. С. 63, 776). Характеризуя избирательную борьбу на соборе, он особое внимание уделяет доказательству положения о том, что сторонниками избрания шведского принца Карла-Филиппа были земские бояре и дворяне-участники собора, среди которых «доминирующие позиции занимали представители западных и юго-западных “служилых городов”» (Т. 1. С. 57, 91). Вывод автора вызывает сомнения — дворяне этого региона после освобождения Москвы рассчитывали продолжить службу в России, о чём свидетельствуют данные о прибавках к окладам дворян, результаты блестящего исследования которых отражены в книге. Из 253 человек, пожалованных прибавками к

⁴⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

⁴⁹ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 г. Петрозаводск, 1997. С. 307, 309; Соловьёв С.М. Об истории Древней России. М., 1992. С. 321; Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Фёдоровича Романова // Журнал Министерства Народного просвещения. 1887. № 252. С. 270, 295.

⁵⁰ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901. С. 424, 532; Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912. С. 15.

⁵¹ Замятин Г.А. К истории земского собора 1613 г. // Труды Воронежского университета. Т. III. Воронеж, 1926; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978. С. 197, 198, 210; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 80—92; Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 147—172.

⁵² Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: избрание на царство Михаила Фёдоровича. М., 2005. С. 141.

денежным окладам за участие в освобождении Москвы, подавляющее большинство (193 человека) — выходцы из западных и южных уездов (Т. 1. С. 82). Павлов признаёт, что не все земские воеводы были сторонниками избрания Карла-Филиппа; собственную предвыборную агитацию вёл кн. Д.Т. Трубецкой. По мнению исследователя, права на престол имел и боярин Иван Никитич Романов, противодействовавший избранию племянника (Т. 1. С. 59, 69—70). Впрочем, с точки зрения Л.Е. Морозовой, Иван Никитич никогда не рассматривался как кандидат, поскольку «от рождения... имел ряд физических дефектов: плохо владел одной рукой, прихрамывал и невнятно говорил, почему получил прозвище Каша»⁵³. Отмечу, что при патриархе Филарете, как установил Павлов, Иван Никитич пользовался «особым расположением и доверием», но не стал судьёй какого-либо приказа (Т. 1. С. 287, 294—298), что подтверждает версию о его телесных недугах.

Итак, свою концепцию избирательного собора 1613 г. исследователь строит, отдавая предпочтение неофициальным источникам. Присоединюсь к позиции учёных, которые относятся к ним скептически. Недоумение вызывают показания русских дворян, оказавшихся в плену у шведов в 1614 г.⁵⁴, о том, что бояре на соборе 1613 г. собирались выбрать царя путём жеребьёвки, чему воспротивились казаки. Видимо, пленные дворяне в данном случае пересказывали бытовавший среди казаков слух, нашедший отражение также в «Повести о земском соборе 1613 г.»⁵⁵. Концепция избрания Михаила Фёдоровича под давлением «казацкой демократии» (демократии толпы) противоречит господствовавшей в Русском государстве правовой культуре. В «Утвержденной грамоте» собора 1613 г. содержатся два основания восшествия на царство Михаила Фёдоровича: он был «прежним великим природным государем... в сродстве», и его избрание предрешиено Божественным промыслом⁵⁶. Думается, в современной историографии недооценивается роль православной Церкви в политической истории России. «Сказание» Авраамия Палицына убедительно свидетельствует о том, что Церковь во время Смуты и после её окончания последовательно выступала за избрание православного великого государя, который бы находился в «сродстве» с угасшей династией Рюриковичей. «Единомысленное» избрание Михаила Фёдоровича состоялось благодаря православной Церкви и стало основой для восстановления государственности в России.

К сожалению, Павлов ушёл от рассмотрения вопроса о роли Земских соборов в управлении страной после 1613 г. Между тем доказанным фактом является положение о том, что возможности российского самодержца этого времени не позволяли ему реализовывать в полном объёме свои полномочия без опоры на соборное представительство⁵⁷. Думается, отказ учёного от анализа участия бояр в деятельности соборов 1614—1622, 1632, 1634, 1636, 1637, 1639 и 1642 гг. является ошибкой. Особая роль в работе соборов, видимо, принадлежала кн. Д.М. Пожарскому⁵⁸. Это позволяет скептически отнестись к утвержде-

⁵³ Там же. С. 141, 248.

⁵⁴ Арсеньев В. Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 29, 30.

⁵⁵ Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89—96.

⁵⁶ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова. М., 1906.

⁵⁷ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 212—243.

⁵⁸ Бушкович П. Шведские источники о России 1624—1626 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 372.

нию о «падении влияния» кн. Пожарского в управлении Русским государством в 1613—1619 гг. (Т. 1. С. 155).

Высказанные замечания носят дискуссионный характер. Учителя А.П. Павлова — Н.Е. Носов и Р.Г. Скрынников — доказали, что развитие Русского государства в конце XV—XVI в. происходило в условиях противоборства двух тенденций — сильной (в сравнении с другими европейскими государствами) властью московских государей и процессом становления сословного общества, порождавшим претензии сословий на участие в политической жизни. Исследования Павлова развивают эти теории применительно к концу XVI — первой половине XVII в. и, думается, ему удалось установить особенности становления и развития сословно-представительной монархии в России.

Павел Седов: Научный труд, способный порождать новые книги

Pavel Sedov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): Scientific research generating new books

DOI: 10.31857/S086956870010784-3

Эволюция правящей элиты Русского государства принадлежит к числу наиболее значимых и дискуссионных проблем отечественной истории. В историографии долгое время господствовал вывод В.О. Ключевского о том, что в XVII в. боярство растворилось в массе дворянства. В последние годы это мнение подвергнуто корректировке; высказана точка зрения, что XVII столетие, напротив, было «золотым веком» боярства⁵⁹. Монография А.П. Павлова вносит существенный вклад в решение данной научной проблемы. В ходе многолетних исследований правящих кругов первой половины XVII в. автор мобилизовал широкий круг источников, в значительной степени — новых архивных данных, позволивших с небывалой ранее полнотой воссоздать коллективный портрет правящей элиты указанного времени. По объёму привлечённого фактического материала данный труд реализован на пределе возможностей одного исследователя. Внимание к отдельным деталям, тщательность проработки материала (некоторые примечания носят характер микроисследований) придают монографии значение не только обобщающей работы, но и ценного справочника-исследования по истории России XVII в.

Исследователь пришёл к выводу о том, что в первой половине XVII в. в правящих кругах установились новые принципы взаимоотношений, «в основе которых лежали не только и не столько происхождение и политическое прошлое, сколько клановые придворные связи», которые «получат своё дальнейшее развитие на протяжении всего XVII в.» (Т. 1. С. 600). Исследованы не только состав, службы, родственные связи и придворные взаимоотношения думных и комнатных людей, но и выявлены неизвестные прежде детали придворного быта, имевшие существенное значение для повседневной жизни царского двора. Например, обычай состригания «волосков» у царя накануне Рождества позволил Павлову надёжно определить самого влиятельного боярина, которому даровалась милость присутствовать на этой церемонии. Важное достижение исследователя — выявление неформальных клиентских связей между членами

⁵⁹ Crummeу R.O. *Aristocrats and Servitors. The boyar elite in Russia, 1613—1689*. Princeton, 1983; Кошелева О.Е. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. М., 2006.